

ФРОНТОВЫЕ ПИСАТЕЛИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Яков Симкин

Отдавая дань эпохе, каждый писатель независимо от сюжета и жанра отражает в своем творчестве в большей или меньшей степени свое время. Имеется даже некоторая закономерность в процессе: вначале у литературы нет необходимости вступать в противоречие с господствующими идеями и законами, а затем наступает протрезвление, и начинаются конфликты между нею и властью имущими партиями и классами.

Когда в 1945 году закончилась Отечественная война, литература даже не соприкасалась с причинами отступления армий и пленения миллионов, а также многих других «изъянов» закончившейся победой войны.

Послевоенное поколение писателей исподволь начало раздумывать, что происходило на самом деле на разных этапах. Иначе решались старые вопросы и рождались новые. В 1979 г. появилась книга Г. Бакланова «Июль 41 года»[1], посвященная первому месяцу войны (эта книга была переиздана только в 2000 г.). Предисловие к ней писатель начал с того, что пора кончать с фальсификацией прошедших событий, когда «даже наше отступление до самой Москвы начали изображать как заранее продуманный гениальный стратегический план разгрома немцев». В книгах такого рода война изображалась гладко, ровно и методично. При этом некоторые писатели претендовали на роль учителей народной нравственности и даже теоретиков войны, издавали книги большими тиражами и получали государственные премии и награды. В то же время в издательствах и редакциях оставались в хранилищах рукописи правдивых книг о войне. Доходило даже до того, что честных писателей преследовали по закону, а вернее, произволу правительства. В 2003 году в Москве вышла книга Г. Файмана «Уголовная история советской литературы и театра» [2]. В ней собраны материалы следствия и судов над писателями, – ужасающая концентрация событий, произошедших в течение многих лет, в интерьере которых – десятки честных и талантливых писателей разных поколений.

Не избежали подобной участи и фронтовые писатели, рассказывавшие в своих книгах не только о времени, в котором жили и воевали, но и об острых проблемах фронта и судьбах людей. Накануне празднования 60-летия победы в войне опубликована в Америке книга бывшего мэра Москвы, а ныне ректора Московского международного университета и писателя Гавриила Попова «Война 1941-1945 г.г. Правда и ложь» [3]. Через несколько месяцев она вышла в России под названием «1941-1945. Заметки о войне». В книге война рассматривается в разных аспектах, но как очень важный урок для всего человечества. Никакой фальши, цинизма или недооценок у Г. Попова нет. Имеются архивные документы, статистика, судьбы известных генералов и государственных деятелей.

До книги Г. Попова появлялись романы и повести, в которых война была показана более или менее правдиво, а не зигзагообразно. Они пользовались популярностью не только у фронтовиков. Это произведения В. Гроссмана, К. Симонова, Ю. Бондарева, Г. Бакланова, В. Быкова, Ю. Нагибина, Б. Смирнова и некоторых других. Они привлекали суровой правдой и относительной бескомпромиссностью оценок. Однако официальная критика обвиняла их в очернительстве советского строя, героев войны и в снисходительности к так называемой окопной правде.

Все это весьма показательное для ушедшего времени. Сейчас в современной русской литературе ситуация довольно сложная, хотя наивные представления о войне постепенно выветриваются. Что-то меняется с достаточной и весьма убедительной мотивировкой. Об этом в последнее время много говорят фронтовые писатели в своих интервью и выходящих из печати дневниках.

Писатели не забывают о войне, в которой им пришлось участвовать на фронтах. Многие из них связывают проблемы *современной* литературы с теми, которые были у нее раньше.

Как ни странно, их интервью и дневники ни разу литературоведением и критикой не обсуждались как самостоятельный и актуальный вид творчества. Предпринимая такую попытку, обращаю внимание на трех фронтовых писателей – В. Быкова, Г. Бакланова и Ю. Нагибина. Их интервью и дневники рассматриваются как своеобразная модель подобного творчества, хотя все три писателя весьма отличаются друг от друга и по своему духу, и по месту в обществе, и даже семейными корнями. Ретроспективно они все близки войне и современности. Впрочем, выделяется среди них своим творчеством и судьбой Василь Быков.

Он был не только весьма талантливым литератором, но и политиком. Открыто выступал против властей, стал лидером Белорусского народного фронта, вынужден был эмигрировать, но через много лет вернулся на родину и вскоре умер.

Другие – с более благополучными судьбами – Бакланов и Нагибин. Они жили без испытаний, выпавших на долю Быкова. Тем не менее, живя в Советском Союзе, бросая камни в стан официальной идеологии и практики, они как-то сумели сохранить себя и многие свои произведения, а Бакланову было даже доверено быть главным редактором популярного журнала «Знамя». Нечто похожее произошло и с Юрием Нагибиным, хотя за издание второго номера альманаха «Литературной Москвы» он попал в черный список писателей «...за клевету на партию». В результате всех преследований Ю. Нагибин перенес в сорок два года обширный инфаркт.

Тем не менее, эти писатели выжили. В. Быков и в эмиграции продолжал писать о войне. Он начал свое творческое восхождение в 1962 году. В одном из интервью у него спросили, что заставило его взять в руки перо. Ответил открыто: «Из чисто полемических соображений написал свой первый рассказ. Потом написал второй, третий. Пытался я их напечатать, но из этого ничего не вышло. И на много лет я забросил попытки стать писателем».

Полемика обычно вызывается противоположными взглядами или спорными ситуациями и ведет часто к еще более острым конфликтам. Ее можно легко проследить на повестях В. Быкова – «Третья ракета», «Мертвым не больно», «Альпийская баллада», «Сотников», «Обелиск», «Дожить до рассвета», «Пойти и не вернуться», «Знак беды» и других произведениях. В них – то, что писатель пережил, осознал и преодолел в годы войны, когда он с легкой пушкой прошел до самого Берлина. В книгах – пронзительная честность солдата, суровая правда войны, бескомпромиссность. Только в 80-е годы пришло к нему официальное признание, он стал лауреатом Ленинской и Государственных премий. Воодушевленный горбачевской перестройкой и наметившейся демократизацией, он увлекся политикой. Но не тут-то было. Он был подвергнут травле... Судьба писателя была непростой не только потому, что писал о войне не понаслышке, а в книгах современников о сражениях видел банальную, ходульную и противоречивую боязнь сказать правду о солдатах и офицерах советской армии. Писать начал ради того, чтобы сказать свое слово. В воспоминаниях товарищи по оружию и другие писатели рассказывают о нем как о человеке очень цельном, который на протяжении многих лет при всех обстоятельствах оставался очень требовательным к другим людям, к самому себе и к своим произведениям.

В то время, когда он дал большое интервью корреспонденту журнала «Огонек» Ф. Медведеву, его литературное ученичество было давно закончено. В нем, кроме высказываний о своем творчестве, имеется изложение взглядов на современную политику без больших иллюзий. В нем приведены конкретные и реальные факты и раскрыт образ самого писателя. Сказывается непреодолимое желание говорить только правду. В интервью нет литературщины, а есть свобода устной беседы.

Время от времени интервью В. Быкова появлялись в Европе и Америке. Его произведения были изданы почти в сорока странах. В июне 1994 года в американском журнале «Вестник» в связи с семидесятилетием писателя было опубликовано интервью, взятое нью-йоркским журналистом В. Левиным. В нем имеются малоизвестные биографические факты, но преобладают обширные рассуждения о военной и современной литературе. Прежде всего, был задан вопрос о так называемой окопной правде в произведениях о войне. Даже не вдаваясь в подробности, В. Быков ответил, что война переворачивает весь человеческий мир. Человек переживает все это, оставаясь один на один со своей совестью.

В. Быков непрестанно думал о военной литературе, возвышал ее над современным литературным горизонтом. Да и как это могло быть иначе, если он писал только о войне, что стало в его эпоху почти какой-то редкостью. Ему было над чем размышлять. Но что было в этом интервью неожиданным – это вывод: «Литература про войну в какой-то степени реабилитировала современную литературу уже хотя бы потому, что она в меньшей степени врал».

Как и в интервью 1987 года, В. Быков не назвал ни одного современного произведения, но к своему тезису добавил обобщение: «Если что-то перейдет в грядущий век из современной литературы, то это будут книги про минувшую войну. Было бы удивительно, если бы произошло иначе».

В. Быкова никогда не интересовали мелкая суета и пересуды не только о его книгах, но и о других произведениях и о писателях. Он всегда говорил о принципах и никогда не спорил. По-иному начал рассуждать в конце беседы, когда его спросили, как он относится к тому, что часто его называют националистом, поскольку пишет на родном языке, а затем сам переводит свои книги на русский язык. Для того, чтобы ответить, начал с другого: «Наивным кажутся намерения всех этих «парламентских центристов», «соглашателей» добиться развенчания национальной культуры и языка в рамках посткоммунистической республики. Быть такого не может, и им рано или поздно придется сделать выбор между имперским коммунизмом и действительным суверенитетом».

И в этом случае В. Быков далек от самозащиты.

Среди прочего он посчитал необходимым развить вопрос о том, как относиться к людям, эмигрировавшим из Советского Союза и России. Несколько непривычный для интервью ответ: «Ну как я могу осуждать людей, которые хотели жить вне коммунистического идиотизма, чернобыльской страны, вне диктатуры старых комэсесовских структур?» Он хорошо видел окружающий его мир. Когда же был задан вопрос о прошедшей на его глазах войне, он снова сказал, что окончание его юности совпало с войной и он рад, что на его долю пали тяжелые испытания, вплоть до того, что его мать получила на него похоронку. Поэтому язык его произведений честен, без ложных выкрутасов, и он всегда держит глаза открытыми. Он не веселил, не утешал, а говорил всегда правду.

В мае 1995 года, через год после интервью журналу «Вестник», В. Быков был приглашен Советом ветеранов в Израиль. Он давно хотел увидеть страну и тех людей, с которыми вместе воевал. После теплого приема дал интервью. В нем ничего нет о войне, о литературе, о себе. Сказал только: «Я в Израиле увидел много интересного и достойного не только для интересов Израиля, но и для всех демократических сил нашего времени. Сложностей у вас не меньше, чем у нас. Но меня радует, что они преодолеваются с большей энергией, чем это делается в Белоруссии». Уместно напомнить также, что сохранились и опубликованы (2005 год) фотографии, на которых В. Быков вместе с израильскими ветеранами празднует День Победы.

В. Быков дал интервью только тогда, когда стал писателем, известным в стране и за ее пределами. Другие фронтовые писатели делали это раньше. Их не надо ни порицать, ни щадить. Всего полезнее такие интервью изучить.

Биография Г. Бакланова в какой-то мере сходна с биографией В. Быкова. В годы войны находились на одной линии фронта, оба были артиллеристами, после победы служили в Болгарии, оба писали только о войне, нередко после войны пересекались их писательские судьбы, но у каждого из них был свой подход к войне, и это отразилось в содержании их интервью. При этом интервью давались на разных временных дистанциях, часто за пределами страны. Склонность каждого из писателей высказать свои мысли вслух также влияла на стиль беседы с журналистами. А в общем, каждое интервью приоткрывает взгляды Г. Бакланова и В. Быкова на конфликты в послевоенной литературе. Эти воззрения отличаются содержательной и эстетической принципиальностью.

Для Г. Бакланова характерно некоторое благоразумие при изложении своих взглядов. Он никогда ни на кого не возлагает вину, никогда не говорит о недостатках тех или иных произведений, но старается проникнуть в суть значительных литературных явлений. В. Быков в своих интервью никогда не говорил о художественности того или иного произведения и даже сказал: «Вторая моя заслуга состоит в том, что я смелее пошел на заострение отдельных характеров и положений, а другие авторы стремились к большей художественности, основательности». Может быть, сегодня позволительно пожалеть о том, что художественность была отодвинута на второй план в произведениях В. Быкова. А он думал: «Еще неизвестно, кто в конце концов будет в выигрыше, это определит лишь время».

У Г. Бакланова очевиден другой подход к литературе, а, может быть, и к духовной культуре. Он подходит к литературе о войне на свой лад. Одно из его интервью начинается, казалось бы, с частных. У него спросили: «А как быть тем писателям, кто не воевал на фронте, а пишет о войне?» Ответил, что не в этом дело, хотя «опыт показывает, что самые значительные книги о войне написаны ее участниками. И так было всегда. А вслед за книгами фронтовиков пришла очередь тех, кто был во время войны детьми, подростками».

Задолго до этого интервью Г. Бакланов опубликовал рецензию на первую книгу В. Быкова «Третья ракета», в которой проявил исключительное внимание к особенностям таланта писателя и оказался весьма проницательным, предсказав ему большое будущее. При этом – с надеждой, что В. Быков с годами не утратит воинственного духа. Он увидел в нем новый тип писателя – без абсолютного смирения и послушания. Исход возможен был только один: писать новые книги о войне, книги, в полной мере отражающие его идеи и взгляды.

Однако в интервью, о котором идет речь, Г. Бакланов называет лишь В. Быкова как крупного писателя, как независимую творческую личность, а о других говорит как-то еле слышно. Само неблагоразумие В. Быкова, начиная с частных в его повестях, оказалось в интервью Г. Бакланова на первом месте.

Г. Бакланов не интересовал келейный подход к литературе. В интервью он, прежде всего, говорил не только от себя лично, о своем личном призвании в литературе, но и от журнала, который редактировал более восьми лет. Несмотря на широту своих взглядов, за этот период ни он, ни журнал не подвергались репрессиям со стороны органов государства.

В сентябре 2001 года Г. Бакланов дал интервью журналу «Вестник». В нем он как-то очень осторожно выверяет каждую фразу. Более свободно говорит в конце интервью, когда отвечает на вопрос о своей семье. При всем том благоразумии, которое характерно для интервью, Г. Бакланов прозрачно говорит о подделках под литературу, о так называемой литературе – «своего рода сфере обслуживания и, надо сказать, навязчивой сфере обслуживания, умело навязывающей свои услуги и вкусы». Сарказм выражен довольно четко. Возможно, положение в современной русской литературе воспринималось им как катастрофа. Но некоторые высказывания Г. Бакланова

воспринимаются как слишком привычные. В интервью он меньше тяготеет к оригинальности, чем в своих книгах о войне – повестях, романах – «Навеки двадцатилетние», «Пядь земли» и «Июль 41 года». Все в этих книгах зиждется на желании не только обобщать, но и рассказывать о своем участии в сражениях. В последней книге, «Жизнь, подаренная дважды», которая распространяется в Америке, Г. Бакланов в мемуарном жанре рассказывает о себе и людях военного времени. В ней господствует острая мысль, неожиданно найденные связи между прошлым и настоящим, внезапные повороты сюжетов, а также находчивость писателя. Однако данные им интервью не перебрасывают моста между его книгами и сегодняшним образом мыслей.

В таком жанре главное – не только истина, но и моральная особенность личности. Всухомятку интервью просто неинтересно. В отличие от него, в дневнике писателя встречаем более или менее широкие рассуждения, остроумные загадки, парадоксы, намеки, аналогии, сопоставления, толкование собственных наблюдений и выводов. Никакого сближения между дневником писателя и его интервью не имеется, хотя и дневник, и интервью принадлежат документалистике. Вместе с тем, своеобразие стилей состоит в том, что жанр интервью близок к драматургии, а дневника – к публицистике. В одном случае особенностью жанра является диалог, в другом – монолог.

Отчетливый контраст между интервью и дневником имеется в книге Ю. Нагибина «Дневник», изданной в 2000 году большим тиражом и в очень солидном объеме (625 страниц). Первая часть книги посвящена тяжелым военным событиям 1942 года, когда Ю. Нагибин «служил на Волховском фронте, был инструктором-литератором газеты для войск противников "Soldaten-Front-Zeitung"..., месяц провел на Воронежском фронте, затем изживал последствия двух контузий»[4]. На первых страницах дневника отчетливо слышен голос добровольца, звучащий с передней линии фронта. Он не все понимает в армии, но как молодой писатель пытается проникнуть в суть происходящего и в характеры окружающих его солдат и офицеров. Начинается «Дневник» со своеобразного предисловия, а затем следует первая запись с датой «Волховский фронт, январь 1942». В ней: «Капитан приехал на грузовике за досками. Я попросил подвезти меня на обратном пути. Он ответил молчаливым кивком головы. Я последовал за ним, боясь, что он в своей высокой скорости забудет обо мне. Он снова, как английский король в Ковентри, оглядел развалины и произнес: «Все разрушено... А ведь это были казармы!». Я никогда не видел скорби в более чистом виде».

Английского короля писатель, вероятно, придумал, когда готовил запись к печати, хотя сам он в предисловии к дневнику упрекает дневник К. Симонова в том, что он явно готовил дневник на вынос, поэтому иные места кажутся не вполне прозрачными, хотя и полностью в контексте.

В редакционной подготовке каждой записи в дневнике нет ничего удивительного. Мне в свое время (1958 год) К. Симонов доверил прочесть его рукописи военных дневников в двух томах. В то время я готовил к печати свою книгу, в которой была глава о фронтовой газете «Героическая красноармейская», выходившей во время боев у Халхингола в 1939 году. Молодой поэт и аспирант Литературного института К. Симонов был в числе сотрудников этой газеты.

Я попросил его прочесть рукопись моей книги.

На втором письменном столе в его большом кабинете лежала рукопись дневника с закладками. Предупредил: не делать выписок и пометок на полях рукописи. До беседы я внимательно прочел всю газету «Героическая красноармейская» и увидел почти полное сближение между содержанием его публикации в газете и записями в дневнике. Не думаю, что К. Симонов в дневнике Отечественной войны изменил условия ведения записей.

Вернемся к Ю.Нагибину. Структура, тон и стиль в его дневнике своеобразны. Его анализировать сложно по характеру записей, а также самохарактеристикам, хотя в предисловии к дневнику имеется оговорка: «Вообще этот дневник при всем его личном

характере не является ни в малейшей мере моим жизнеописанием. Я никогда не ставил себе такой цели...». Часто записи звучат как признание: «Сегодня я снова вернулся к мысли, вернее, к муке: а надо было идти на такую войну?» Запись сделана 6 февраля 1942 года. Безусловно, такое сомнение могло возникнуть, поскольку рядом была смерть. Ю. Нагибин не скрывал своих чувств на многих страницах. Но у него имеются сомнения в том, что он делает на фронте. Напоминает об этом во многих записях. Такая откровенность, возможно, допущена умышленно. Но не верить ей нельзя. Все время в дневнике открываются больные места в руководстве военными операциями. Ю. Нагибиным как бы проверяются намерения офицеров.

Летит Ю. Нагибин в немецкий тыл и сбрасывает там листовки и газету с призывами не воевать против русских. После полета записывает в дневник: «Неужели наша писанина может хоть как-то повлиять на немецких солдат?». Доверия к своей работе у Нагибина нет. Отвергаются в дневнике и другие акции. Но не от таких записей дневник зависит, и не потому он сохраняет значимость; хотя он неровный, но в нем имеются задатки тех произведений Ю. Нагибина о войне, которые были им написаны через много лет после фронта.

Контрастом в дневнике звучит такое рассуждение: «Сражаются больные, изнуренные, с обмороженными носами, усталым взглядом и такие слабые, что их может осилить ребенок. Здоровые, толстые, бодрые люди пишут бумаги, посылают других в бой и достают обмундирование в военторгах». Впоследствии такие записи могли кого-то раздражать, особенно тыловых офицеров. Несмотря на это, Ю. Нагибин в своих военных рассказах и повестях такую антитезу широко использовал.

Сарказм и восхищение в дневнике равновелики по значению. Одно без другого делало бы записи плоскими. Разумеется, в дневнике много прагматизма, но он зависит от фактов. В их отборе Ю. Нагибин почти не ошибается.

Возможности Ю. Нагибина как писателя также проявляются в дневнике. С присущей ему лапидарностью он бывает весьма краток, много ассоциативных ходов, связанных с произведениями русских и зарубежных писателей, подхватываются удачные высказывания солдат и офицеров, народные поговорки военного времени и другая житейская мудрость. Ю. Нагибин, решительный и рассудительный писатель, благоразумно отважный, почти всегда действовал не по норову, а по здравому смыслу.

Однако, размышляя о военном дневнике писателя, следует признать, что иногда форма изложения военных событий и демонстрация мысли оказываются неадекватными современным представлениям о войне. Дневник ограничен одним годом войны, стержнем записи является хронология, последовательность фиксируемых событий и переживаний писателя. Он становится краткой летописью, документом эпохи. Тем не менее, Ю. Нагибин, судя по предисловию, долго и с большой внутренней ответственностью за каждое слово готовил дневник к печати. Хотя сам он обвинял тех писателей, которые этим занимались.

Стремясь к большей конкретности, он считал, что дело важнее его отношений с офицерами и часто конфликтовал с ними. Нагибин беспрестанно фиксировал в дневнике явления штабной жизни, обычно воспринимая их без учета индивидуальной психологии офицера. У него часто встречаются, если можно так сказать, психолого-биографические объяснения. Он проникал в суть явлений, в том числе страха, невежества и амбиций, причины которых до конца не сводимы ни к среде, ни к индивидуальной психологии.

При записях о людях, вместе с которыми воевал, Ю. Нагибин часто ограничивается формальными сведениями о примерном возрасте, воинском звании и поступках на фронте и в тылу. Вдруг в записи от 1 февраля 1942 г. появляется социально-психологическая биографическая характеристика добровольца Ашера Айзиковича Шапиро, чей отец погиб на фронте. О его службе в армии, об участии в боях, о возрасте, образовании в записи нет ни слова. Вся запись посвящена его характеру и образу мыслей. По складу ума, по натуре

он обладает чертами национального характера. В этом Ю. Нагибин усматривает истоки его отношения к другим солдатам, любимой девушке и семье.

Запись о встрече с Шапиро появилась на первых страницах дневника. По содержанию она выпадает из других коллизий фронтового быта. Тем самым Ю. Нагибин хотел показать, что вносит в дневник не только фронтовые события, но и живые, неприукрашенные образы людей. Непосредственность Шапиро, прежде всего, восхищает писателя. Никакого красноречия в записи нет.

Большинство страниц дневника тяготеют к повествовательным формам творчества, к моральным притчам, дипломатичной иронии, а также каламбурам, связанным с нелепыми высказываниями некоторых лиц с высокими воинскими званиями. В дневнике имеются записи, сделанные в прифронтовых деревнях после освобождения от немецких войск. По традиции фронтовые дневники не затрагивали моральных проблем прифронтовой жизни населения. Ю. Нагибин одним из первых стал это делать, оценивая достоверность публикаций в газетах. Внешний вид развалин деревень после оккупации интересует его гораздо меньше, чем настроения крестьян после освобождения, их отношение к армии. Эта часть дневника не может не удивить своей злой прямоотой в оценке легенд и мифов.

Несомненно, дневник Ю. Нагибина носит новаторский характер. Работая над ним, он не испытывал ограничений, как, скажем, давая интервью. В любом случае, нельзя заподозрить писателя в неискренности, излишнем рационализме и слабости по отношению к прошлому. Все мы жили в героическое и трагическое время, и нам с большим трудом и риском удавалось что-то сказать о времени и о себе. Ю. Нагибину, В. Быкову и Г. Бакланову это удавалось. Именно поэтому их дневники и интервью до сих пор вызывают сопереживания, особенно у фронтовиков, поскольку в дневнике, как сказал Ю. Нагибин, имеется «попытка разобраться в собственной мучительной духовной жизни, иногда просто навзрыд, и это бывает нужно».

Строго говоря, от характера личности ведущего дневник и интервьюируемого зависят оба жанра. Это дает возможность воспринимать их интервью и дневники как присущие творческой личности возможности.

Источники

1. <http://lib.ru/PROZA/BAKLANOW/july1941.txt>
Григорий Бакланов. Избранные произведения в 2-х томах, т.1, М., «Художественная литература», 1979.
2. Григорий Файман. Уголовная история советской литературы и театра. М., «Аграф», 2003.
3. <http://voanews.com/russian/archive/2005-06/2005-06-25-voa2.cfm?CFID=52115800&CFTO...>
«Война и правда. Цена победы». Интервью с автором книги Гавриилом Поповым и изд. Ильей Левковым 21 июня 2005 г.
4. Юрий Нагибин. Бунташный остров. М., «Московский рабочий», 1994.
<http://lib.ru/PROZA/NAGIBIN/wojna.txt>